

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850>

Научная статья / Research article

Цыгане и военная служба в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

В.Н. Шайдуров^а, Т.А. Новгородский^б

^аЛенинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; s-w-n@mail.ru

^бБелорусский государственный университет; 220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Красноармейская, 6; tadeush_minsk@mail.ru

Аннотация: Одним из последствий активной внешней политики Российской империи в XVIII – XIX вв. стало не только включение в ее состав новых территорий, но и усложнение национального состава населения за счет новых этнических групп. Поляков, евреев, цыган, финнов и многих других необходимо было инкорпорировать в существовавшие государственные, общественные, социальные институты. Большая часть мероприятий, проводившихся в отношении, скажем, евреев или цыган, была нацелена на их насильственную адаптацию. Под знаком борьбы с бродяжничеством в 1770-х – 1820-х гг. царская администрация предпринимала многократные попытки склонить различные группы цыганского населения к оседлому образу жизни. Включение их в податные городские и сельские сословия предполагало возложение на них казенных и земских податей и повинностей. В полной мере это относилось к рекрутской повинности в ее натуральной либо денежной форме. Однако цыгане, в отличие от евреев-ашкеназов, не представляли единый народ. Это заставило правительство по-разному подходить к несению ими рекрутской повинности в разных регионах. В Крыму и Бессарабии цыгане являлись неотъемлемой частью местных сообществ. Власти сочли невозможным отделить их, например, от крымско-татарских мусульманских обществ. На этом основании они, как и татары, были освобождены от рекрутчины. Однако некоторые воензированные и военные институты (исправительные роты инженерного ведомства, батальоны военных кантонистов) использовались в репрессивно-воспитательном духе. Если первые должны были пресечь бродяжничество цыган и способствовать их оседлости, то вторые должны были способствовать социализации малолетних цыган и сделать их «полезными членами общества». В данной статье впервые в историографии поднят вопрос об отношении государства к цыганам России с точки зрения военной службы. Статья написана на основе опубликованных источников и неопубликованных документов из центральных и региональных архивов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: цыгане, Российская империя, русская армия, рекрутская повинность, кантонисты, национальная политика

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 “Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19–20 вв”.

Для цитирования: Шайдуров В.Н., Новгородский Т.А. Цыгане и военная служба в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 838–850. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850>

The Gypsies and Military Service in the Russian Empire in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century

Vladimir N. Shaidurov^a, Tadeush A. Novogrodsky^b

^aPushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoye Sh., Pushkin,
Saint Petersburg, 196605, Russia; s-w-n@mail.ru

^bBelarusian State University; 6, Krasnoarmeyskaya St., Minsk, 220030,
Republic of Belarus; tadeush_minsk@mail.ru

Abstract: The complication of the national composition of the population due to new ethnic groups as well as incorporation of new territories into the Russian Empire were ones of the consequences of an active foreign policy in the XVIII – XIX century. The Poles, Jews, Gypsies, Finns, and many others needed to be incorporated into existing state, public, social institutions. Most of the activities carried out against, for example, the Jews or Gypsies, aimed at their violent adaptation. The tsarist administration made repeated attempts to persuade various groups of the gypsy population to a settled way of life under the aegis of combating vagrancy in the 1770s – 1820s. Their incorporation in the taxable urban and rural estates implied the imposition of state and district taxes and duties on them. This fully related to recruitment service in its natural or monetary form. But, the Gypsies, unlike Ashkenazi Jews, was not a united nation. This fact forced the government to take different approaches to their recruiting duties in different regions. In Crimea and Bessarabia, the Gypsies were an integral part of local communities. The authorities found it impossible to separate them, for example, from the Crimean Tatar Muslim societies. On this basis they were freed from recruitment same as the Tatars. But some militarized and military institutions (correctional troops of the engineering department, battalions of military cantonists) were used in a repressively educational spirit. If the first were supposed to stop the vagrancy of the Gypsies and promote their sedentary, the second were to contribute to the socialization of young Gypsies and make them ‘useful members of society’. This article for the first time in historiography raises the question of the attitude of the state towards the Gypsies of Russia from the point of view of military service. The article is written on the basis of published sources and unpublished documents from the central and regional archives, which are first introduced into scientific circulation.

Keywords: Gypsies, Russian Empire, Russian army, recruiting duty, cantonists, national politics

Acknowledgements and Funding: The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-59-00010 "Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX–XX centuries".

For citation: Shaidurov, Vladimir N., and Novogrodsky, Tadeush A. “The Gypsies and Military Service in the Russian Empire in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 838–850. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850>

Введение

История русской армии XVIII – первой половины XIX в. чрезвычайно популярна. Это объясняется активной внешней политикой Российской империи, в которой армия выступала одним из действенных инструментов. В период реформ Петра I были заложены основы комплектования армии и флота, базировавшиеся до середины XIX в. на рекрутской повинности, которая была распространена на податное население страны. В это же время было положено начало специализированной подготовке нижних чинов. Однако некоторые аспекты исполнения рекрутской повинности и иные формы участия в пополнении частей сухопутной армии и военно-морского флота в дореформенный период по-прежнему вызывают дискуссии либо вовсе не попадали в поле зрения исследователей, оставаясь *tabula rasa*. В полной мере это можно отнести к национальной составляющей этого явления.

Общая картина несения населением рекрутской повинности и присутствия в батальонах военных кантонистов в настоящее время восстановлена. К ней обращались уже в период подготовки и проведения военной реформы в 1860-е гг.¹ Из ра-

¹ Сидоренко Г. Рекрутская повинность: Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Значение рекрутской повинности в ряду систем формирования и комплектования войск. СПб., 1869.

бот советского периода можно выделить монографию К.М. Ячменихина «Военные поселения в России (История социально-экономического эксперимента)»². В 2000-е гг. отечественные авторы обращались к изучаемой проблеме с разных позиций. Можно обратить внимание на кандидатскую диссертацию В.К. Ячменихина «Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.)»³. Несмотря на то, что в реконструкции быта кантонистов использовались источники личного происхождения, авторами которых были в том числе евреи (В.Н. Никитин, И.И. Ицкович и др.), исследователь не акцентировал внимание на положении в батальонах представителей этнических меньшинств. Из работ последних лет можно выделить монографию В.Н. Горелова «Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг.»⁴, в которой автор развивает тезис о том, что среди рекрутов определенное место занимал асоциальный элемент. Отдача в рекруты являлась механизмом социального воздействия, а сама военная служба должна была улучшить морально-нравственный облик вчерашнего правонарушителя.

Обращаясь к историографии затронутой темы, следует учитывать, что работ по национальной тематике не так много. Например, в 2001 г. была опубликована монография В. Цабана «Служба рекрутов из Королевства Польского в царской армии в 1831–1878 гг.»⁵.

В историографии на сегодняшний день большинство исследований посвящено евреям-кантонистам. Первые работы публицистического характера появились во второй половине XIX в., их авторами зачастую становились бывшие колонисты, успешно продвинувшиеся по карьерной лестнице. Среди них выделяется, в первую очередь, В.Н. Никитин – автор ряда произведений о русских евреях XIX в.⁶ На его произведения давно обращают внимание современные исследователи, однако оценка их значимости различна. Для некоторых он является автором работы невысокой филологической ценности, которая может быть интересна как одно из воспоминаний о странице социальной истории России второй четверти XIX в.⁷ Для исследователей истории русских евреев он выступает как аутентичный носитель информации⁸.

В контексте истории русских евреев тема военной службы звучит в работе Б. Натанса «За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией», опубликованная в 2002 г. на английском языке и изданная на русском языке в 2007 г. В ней автор утверждал, что, в отличие от своих предшественников, император Николай I для решения «еврейского вопроса» (подразумевалась ликвидация еврейской обособленности и автономии) решил прибегнуть не к «зачаточной иерархии сословий, а прежде всего ... помощи армии»⁹.

Работы Дж. Клира и Й. Петровского-Штерна определили основные тенденции в изучении рассматриваемого явления. Первый охарактеризовал правительственную политику в отношении еврейского населения в последней трети XVIII – первой четверти XIX в. как прагматичную; в ходе ее реализации «власть стремилась получить максимальную выгоду от их присутствия в империи»¹⁰. В своей монографии,

² Ячменихин К.М. Военные поселения в России (История социально-экономического эксперимента). Уфа, 1984.

³ Ячменихин В.К. Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.). М., 2000.

⁴ Горелов В.Н. Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь, 2015.

⁵ Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873. Warszawa, 2001.

⁶ Никитин В. Многострадальные. Очерки быта кантонистов // Отечественные записки. 1871. № 8–10.

⁷ Ячменихин В.К. Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.). М., 2000. С. 25.

⁸ Шайдуров В.Н. Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в. // Новый исторический вестник. 2014. № 39. С. 21–35; Shaidurov V.N. Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // Bylye gody. 2014. № 32. С. 239–244.

⁹ Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. М., 2007. С. 42.

¹⁰ Клир Дж. Россия собирает своих евреев. М., Иерусалим, 2000. С. 239–316.

посвященной службе евреев в русской армии¹¹, Петровский-Штерн рассматривал военную службу под иным углом зрения, отмечая, что она позволяла евреям преодолеть черту оседлости.

Современная академическая иудаика обогатилась исследованиями о евреях-кantonистах в отдельных регионах Российской империи. В некоторых работах отмечается факт их влияния на институционализацию жизни еврейских сообществ Севастополя¹², Екатеринбурга¹³, Томска¹⁴, других городов¹⁵. Эти работы могут быть базисом для изучения политики в отношении разных этнических меньшинств.

Однако следует помнить, что рекрутчина и набор мальчиков в кантонистские части стали тяжелым бременем не только для евреев России. Эта практика была распространена, например, и на разные группы цыган. Однако данный вопрос до настоящего времени не попадал в поле зрения отечественных исследователей.

Следует отметить, что подобного рода работы постепенно становятся базисом для обобщающих исследований, в которых национальная тематика получает свое звучание. Примером тому может служить работа Ф.Н. Иванова «История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.)»¹⁶, в которой автор не только в историографической части, но и при описании отдельных сюжетов обратился к еврейской тематике.

Рассматривая разные пересекающиеся аспекты социальной и военной истории применительно к некоторым этническим меньшинствам, следует опираться на широкий круг источников. Опубликованные источники представлены в первую очередь законодательными и нормативно-правовыми актами, включенными в Полное собрание законов и Свод законов Российской империи. Эти документы могут быть сгруппированы в несколько блоков: 1) регламентировавшие процедуру отбывания рекрутской повинности и набор кантонистов; 2) определявшие права и обязанности кантонистов в период несения военной службы; 3) разъясняющие права бывших кантонистов (после отставки и ликвидации института кантонистов в русской армии).

Среди неопубликованных материалов выделяется многочисленный блок делопроизводственных документов, которые представлены рапортами, отношениями, справками, списками и прочими источниками, которые позволяют рассмотреть практику правоприменения существовавших законов. Данные документы отложились в фондах как центральных (Российский государственный исторический архив), так и региональных архивов (г. Выборг). Важная информация содержится также в публицистических изданиях второй половины XIX в., авторами которых выступали бывшие кантонисты или очевидцы событий.

Методологически данная тема рассматривается с позиций перехода от традиционного общества к современному, в ходе которого нивелировались этно-конфессиональные критерии и шел процесс формирования единообразного социума.

¹¹ *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. М., 2003.

¹² *Гельман Б.* Кантонисты: путь преодоления черты оседлости (на примере Севастополя) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года: памяти профессора Джона Дойла Клира. М., 2008. С. 194–206.

¹³ *Главацкая Е.М., Заболотных Е.А.* Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4. С. 206–221.

¹⁴ *Shaidurov V.N.* Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // *Bylye gody*. 2014. № 32. С. 239–244.

¹⁵ *Нутрихин Р.В., Савченко С.П.* Еврейские солдаты-кантонисты. Евреи на Ставрополье: с древнейших времен до 1917 года. Ставрополь, 2016. С. 59–63.

¹⁶ *Иванов Н.Ф.* История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие. М., 2017.

Цыгане в России

Вопрос о кантонистах напрямую связан с рекрутской повинностью. Сам термин пришел на смену «солдатским детям» в начале правления Александра I, приобретая более широкое наполнение. Теперь в кантонисты определялись не только малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних чинов, но и представители некоторых иных (в том числе этнических) групп населения Российской империи. Одни – по праву рождения, другие – в силу закона оказывались в особой социальной группе, которая, возникнув еще в 1721 г. и находясь в ведении Военного министерства, с некоторыми изменениями просуществовала до 1856 г.

Цыгане несколько раньше евреев оказались в составе Российской империи. Произошло это в результате присоединения новых территорий на протяжении XVIII – первой четверти XIX в. Их положение упрощалось принадлежностью к той же конфессии, к каковой относилось большинство населения. Так, цыгане Крыма исповедовали ислам, ингерманландские цыгане были лютеранами, цыгане, проживавшие в белорусских землях, были преимущественно православными. Так что отсутствовала почва для религиозного антагонизма. Главным злом, исходившим от цыган, считался их образ жизни – кочевой на ограниченной территории.

На протяжении 1780-х – 1840-х гг. царское правительство предпринимало попытки перевести цыган к оседлости, приписывая их в городские и сельские общества. Однако в подавляющем большинстве случаев они заканчивались провалом. Правда, властям удалось добиться от небольшого числа цыганских семей приписки в мещанство либо разряд государственных крестьян. Это позволяло им избегать обвинений в бродяжничестве: ежегодно такие семьи получали от своих обществ паспорта, которые давали им возможность свободного перемещения в границах губернии.

В законодательных актах первой половины XVIII в. встречаются единичные упоминания о цыганах, но они напрямую были связаны с содержанием слободских полков, в пользу которых с цыган взимался особый денежный сбор¹⁷. Эти акты свидетельствуют, во-первых, о факте проживания цыган в Малороссии, Слободской Украине и примыкающих к ней уездах Великороссии, а во-вторых, о замене для цыган военной службы (рекрутской повинности) денежным налогом.

Формальное прикрепление цыган к городским (купеческим и мещанским) и сельским обществам, запись в разряд дворовых людей за помещиками в 1780-е – 1810-е гг. – все это возлагало на них обязательство выполнять, как и прочие податные сословия, рекрутскую повинность. Однако фактическое отсутствие цыган в городах и сельских поселениях свидетельствовало о невозможности ее исполнения. В этот период правительство больше заботилось о взыскании с цыган подушной и прочих податей, чем об исполнении ими натуральных повинностей, в том числе рекрутской.

Цыгане на окраинах Империи и освобождение от рекрутчины

Устав образования Бессарабской области 1818 г. регламентировал права и обязанности различных групп населения региона¹⁸. Коронные и частновладельческие цыгане, наряду с евреями, составляли особые «состояния». На первых была возложена обязанность уплаты в казну особого денежного налога – «даждии, по основанию имеющейся у них грамоты». Помещичьи цыгане, согласно закону, были полностью освобождены «от всех вообще как казенных, так и общественных податей, сборов и повинностей»¹⁹. Законодатель особо акцентировал внимание на факте ис-

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (далее – ПСЗ РИ-I). Т. 9. № 6430, 6454.

¹⁸ Там же. Т. 35. № 27357.

¹⁹ Там же.

ключения цыган и евреев Бессарабии от возможности поступления на государственную службу (военную и гражданскую). Таким образом, цыгане были освобождены в том числе от рекрутчины.

В 1828 г. император Николай I утвердил «Учреждение для управления Бессарабской областью»²⁰. Этим документом было прекращено действие Устава 1818 г., но права и обязанности населения региона были полностью сохранены, о чем было заявлено в § 1 нового акта. Особо было обращено внимание на тот факт, что цыгане, как коронные, так и помещичьи, наряду с прочими были «от рекрутской повинности свободны на неопределенное время» (§ 2). Эта формулировка отличалась от той, которая, например, была использована в царствование Екатерины II в отношении иностранных колонистов (им это право было даровано «на вечные времена»), что давало властям возможность при необходимости в любой момент распространить рекрутчину на коренное население Бессарабии.

В конце 1828 – начале 1829 г. в разных ведомствах обсуждался вопрос об устройстве цыган в Бессарабской области²¹. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор М.С. Воронцов, министр финансов Е.Ф. Канкрин и другие заинтересованные лица высказали мнение по этому поводу. В центре внимания оказались вопросы, связанные с возможными льготами, которые следовало предоставить цыганам при водворении в казенных селениях. В итоговом документе упомянуто освобождение цыган на четыре года от уплаты казенных податей, военного постоя²². Неупоминание среди предоставленных льгот рекрутской повинности вполне объяснимо, поскольку от нее местные цыгане были уже освобождены.

В 1828 г. освобождение от рекрутской повинности вместе с другими городскими жителями получили цыгане Феодосии. По седьмой ревизии (1815 г.), по данным магистрата Феодосии, в городе числилось «цыган-ремесленников магомедан мужеска 125 и женска пола 121 душа»²³, что составляло около 5% городского населения. Подобного рода послабления городским жителям Юга России не были внове. Так, на рубеже XVIII – XIX вв. от платежа казенных податей, рекрутской и квартирной повинностей были освобождены горожане Одессы. Подобный шаг в отношении населения бывшей столицы Крымского ханства был связан с необходимостью поддержки роста экономического значения Феодосии как черноморского порта. Данная льгота была дарована на 25 лет²⁴.

Но не только цыгане Бессарабии и Крыма получили освобождение от рекрутчины. На Кавказе власти также шли на точечное предоставление цыганам некоторых послаблений, что могло быть связано с людскими и материальными потерями, которые несли цыганские сообщества. Например, проживавшие в селениях Кавказской области находились под угрозой нападений со стороны горцев. В 1828–1829 гг. разорению были подвергнуты некоторые селения Пятигорского округа. В законодательных актах можно встретить упоминание о предоставлении цыганам селения Незлбного освобождения от уплаты податей и рекрутской повинности. Этот факт стал основанием для обращения начальника Кавказской области Е.И. Мечникова к министру финансов Е.Ф. Канкрину с просьбой о сложении с цыган селения Нижнеподгорного Пятигорского округа недоимок по казенным и местным податям. Одновременно с этим в декабре 1832 г. было объявлено об освобождении цыганского общества от несения рекрутской повинности. Подобные послабления были мотивированы людскими потерями (жертвами нападения стали 28 мужчин и женщин,

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Издание II (далее ПСЗ РИ-II). Т. 3. № 1834.

²¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1152. Оп. 1. 1828. Д. 140.

²² ПСЗ РИ-II. Т. 4. № 2665.

²³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1819. Д. 198. Л. 1 б – 1 б об.

²⁴ ПСЗ РИ-II. Т. 3. № 2057.

из которых 6 были убиты, 22 взяты в плен) и материальным убытком, который был оценен начальником Пятигорского округа более, чем в 13,6 тыс. руб.²⁵

Укрепляя безопасность приграничных районов на Кавказе, правительство формировало за счет местного населения новые казачьи полки. Цыгане Пятигорского округа оказались связаны с Волгским казачьим полком (с конца XVIII в. был расквартирован на Кавказе), в который они должны были поставлять рекрутов. В 1837 г. истек срок объявленной выше льготы. Главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области и командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Г.В. Розен обратился к императору Николаю I с просьбой о ее продлении. Летом 1838 г. военный министр А.И. Чернышов уведомил генерала Е.А. Головина, который сменил на посту главноуправляющего и командира Кавказским корпусом Розена, о том, что цыганам казенного селения Нижнеподгорного распоряжением императора освобождение от рекрутчины продлено на следующие 5 лет²⁶.

В 1831 г. был обновлен рекрутский устав²⁷. Некоторые его положения косвенно затронули и цыган. Так, в § 10 были перечислены податные люди, которые были освобождены от натуральной либо денежной рекрутской повинности. Среди них были упомянуты ссыльно-поселенцы в Сибири, которые получали льготу на 20 лет с момента поселения (п. 14). Факт присутствия таких цыган подтверждается документально. Например, по предписанию Томской Экспедиции о ссыльных от 2 апреля 1840 г. в Богородской волости Томской губернии был водворен «из цыган на поселение Немцов Егор 19 лет»²⁸. И это был не единичный случай.

К концу 1820-х – началу 1830-х гг. положение разных групп цыган в Российской империи не отличалось однообразием. Это было связано, с одной стороны, с крайне поверхностным кооптированием их в общегосударственные сословия с автоматическим распространением на них всех прав и обязанностей. С другой стороны, присоединение новых территорий (Бессарабии, Кавказа) требовало от властей проведения осторожной политики в отношении местного населения, что сопровождалось в течение некоторого времени сохранением за населением прежних прав и обязанностей.

Цыгане и репрессивная политика Николая I

В царствование Николая I правительственные круги активизировали борьбу с бродяжничеством. В течение 1832–1834 гг. появилось несколько законодательных актов, на основании которых бродяг, в том числе и цыган, задержанных полицией, следовало обращать в рекруты либо направлять в кантонистские школы.

Один из первых шагов в этом направлении был сделан в феврале 1832 г. Сенатским указом «О разрешении вопросов, как поступать с бродягами от 17 до 20 и от 20 до 25 лет»²⁹, основу которого легли предшествующие законодательные акты и возникшая в течение 1828–1832 гг. полицейско-судебная практика в Бессарабии, Области Войска Донского и Воронежской губернии (к слову, в регионах, где кочевали различные группы цыган). Несмотря на заголовок акта, значительное место в его содержании отведено действиям в отношении малолетних бродяг (до 17 лет). Уже на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 22 марта 1828 г. таковых следовало направлять в кантонистские батальоны. По донесению начальника Штаба по военным поселениям генерал-адъютанта П.А. Клейн-

²⁵ ПСЗ РИ-II. Т. 7. Ч. 1. № 5834.

²⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. № 11318.

²⁷ Там же. Т. 6. Ч. 1. № 4677.

²⁸ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 36. Д. 323. Л. 1 об.

²⁹ ПСЗ РИ-II. Т. 7. № 5145.

михеля, в Области Войска Донского возникла практика направления малолетних бродяг в Дмитриевский батальон «как ближайший по месту расстояния»³⁰. Эта практика и была теперь закреплена законодательно. В силу существовавшей в Российской империи правовой практики указания, направленные Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору и Донскому Областному Правлению, автоматически распространялись на всю страну.

Уже в марте того же года было дано дополнительное разъяснение вопросу о зачислении малолетних бродяг в кантонисты. Если февральский указ определил верхнюю возрастную границу (17 лет), то теперь был определен минимальный возраст для отправки в батальоны и полубатальоны – 8 лет. Эта мера распространялась как на одиночных малолетних бродяг, так и на «детей, при бродягах находящихся»³¹. Основанием для такого решения стало мнение Николая I, уравнившего их с детьми, находившимися в ведении губернских Приказов общественного призрения: «детей сих передавать... в батальоны военных кантонистов по достижении восьми-летнего возраста»³².

Однако, как показывает практика, бродяжничество было повсеместно распространенным явлением. О присутствии тут цыган свидетельствовали современники. Так, писатель-этнограф П.М. Шпилевский в одном из самых известных своих произведений «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (впервые было опубликовано в журнале «Современник» в 1853 г.; в 1858 г. отпечатано отдельным изданием) упомянул применительно к Несвижской ярмарке странствующих с медведями цыган и хорошеньких цыганок, которые развлекали публику фокусами и плясками. О том, что они являлись неотъемлемой частью историко-культурного ландшафта, свидетельствует и то, как писал Шпилевский, что «куда ни пойдешь здесь, непременно наткнешься на это племя: уж именно справедлива пословица несвижская: цыган скачет, цыган пляшет, цыганка песенки поет на ярмарке»³³. Окрестности Гродно, Слонима, Мира, Несвижа, Минска, Борисова и почти весь Слуцкий уезд были местом активной цыганской жизни³⁴. Цыгане Беларуси в основном занимались ремеслами либо торговали «на постоянных местах», при этом факт приписки к сельским и городским обществам в белорусских губерниях не мешал некоторым из них сохранять полукочевой образ жизни. В том числе и против таких бродяг в 1834 г. власти предприняли новые репрессивные шаги в западных (белорусско-литовских) губерниях. В шестинедельный срок местные помещики, городские и сельские общества, кагалы должны были известить полицию о тех, кто находился в зоне их ответственности без паспортов или с просроченными видами, кто незаконно был причислен к обществам, сословию почетных граждан, однодворцам. Выявленных беглых и бродяг следовало передавать в ведение военных властей: годных к военной службе отдавать в рекруты, негодных по состоянию здоровья к военной службе направлять в военно-арестантские роты, женщин и девок передавать на фабрики и военные поселения, а малолетних причислять в разряд военных кантонистов³⁵.

В начале 1830-х гг. на Юге России стали массово создавать арестантские роты гражданского ведомства, которые комплектовались в том числе за счет беглых, бродяг и преступников. Так, в июле 1830 г. по инициативе Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова были сформированы подоб-

³⁰ ПСЗ РИ-II. Т. 7. № 5145.

³¹ Там же. № 5222.

³² Там же.

³³ Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1858. С. 67.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ ПСЗ РИ-II. Т. 9. Ч. 1. № 6733.

ные роты в Одессе, Измаиле, Херсоне и Симферополе³⁶. Сам принцип комплектования отделений позволяет говорить об их преимущественном применении на строительных и ремонтных работах. Так, п. 5 гласил, что «роты делятся на отделения, в коих должно быть не более 10 человек и в кои помещать арестантов по возможности ожних и тех же мастеров, как то: отделение каменщиков, плотников, каменотесцев и пр.»³⁷. В августе 1831 г. это решение было дополнено важным принципом: роты укомплектовывались только арестантами из трех губерний Новороссийского края и Бессарабской области³⁸.

В 1833 г. было принято общероссийское «Положение об арестантских ротах Инженерного ведомства»³⁹. Роты комплектовались рядовыми от 100 до 140 человек из числа осужденных срочно или бессрочно в крепостную работу, бродяг и преступников, осужденных Уголовным гражданским судом.

По штатному расписанию две арестантские роты следовало сформировать в Севастополе. В 1834 г. Рекрутский устав был дополнен некоторыми статьями и пояснениями. Некоторые из них касались уклонявшихся от рекрутинга. Так, предусматривалось наказание Уголовным судом с отправкой в арестантские роты⁴⁰. По всей вероятности, именно из таких преступников к октябрю 1838 г. в Севастополе уже была сформирована 1-я исправительная рота⁴¹. Согласно именному указу Николая I рота была укомплектована цыганами Таврической губернии. Уже 14 октября того же года последовал новый указ, в соответствии с которым предлагалось «из цыган Таврической губернии сформировать еще две исправительные роты»⁴². Таким образом, в короткий срок были созданы три роты общей численностью не менее 300 цыган. Через них, вероятно, Николай I намеревался «исправить» многовековой уклад жизни цыган Крыма, отвратив их от полукочевого образа жизни. Достоверно известно лишь то, что в 1843 г. последовало Высочайшее распоряжение «находящуюся в Севастополе исправительную роту для цыган упразднить; состоящих в этой роте офицеров, нижних чинов и цыган распределить по особому назначению»⁴³. Привлечение новых источников позволит со временем более подробно изучить эту страницу истории цыган России.

В 1840 г. Выборгский губернатор представил традиционный всеподданнейший отчет императору Николаю I, в котором нашли отражение разные стороны жизни губернии и ее населения. В частности, он обратил внимание на «жалкое положение цыганских детей, которых родители не имеют ни роду жизни, ни пропитания, или даже заключены в остроги»⁴⁴. В ноябре 1841 г. финляндский генерал-губернатор князь А.С. Меншиков известил своего подчиненного о том, что при изучении отчета император «изволил высказать мысль, что таких детей можно было бы брать в кантониты, ежели по соображению с местными законами и обстоятельствами это окажется возможным»⁴⁵.

В течение декабря 1841 г. – февраля 1842 г. была проведена подготовительная работа. Обоснование для зачисления малолетних цыган в разряд кантонитов было подготовлено Выборгским губернатором. На территории Финляндии законодательно в 1805 г. было разрешено частным лицам принимать на воспитание сирот. Эта практика

³⁶ ПСЗ РИ-II. Т. 5. Ч. 1. № 3786.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Т. 6. Ч. 1. № 4772.

³⁹ Там же. Т. 8. Ч. 1. № 6584.

⁴⁰ Там же. Т. 9. Ч. 2. № 7535.

⁴¹ Там же. Т. 13. Ч. 2. № 11578.

⁴² Там же. № 11632.

⁴³ Там же. Т. 18. Ч. 1. № 17104.

⁴⁴ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборг (далее – ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2374. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 1 об.

была сопряжена с освобождением воспитателей «от платежа следующих за их приемышей казне податей», которое зависело от возраста принятого сироты⁴⁶. Подобный механизм давал бесплатные рабочие руки, за которые не нужно было платить подати. Опираясь на многолетнюю практику, в своем донесении А.С. Меншикову 4 декабря 1841 г. губернатор высказал мнение, что «правительство еще более должно иметь право брать на воспитание и попечение бедных сирот»⁴⁷. Кроме того, губернатор был полностью убежден, что это сделает из них полезных членов общества.

С февраля 1842 г. малолетних ингерманландских цыган, оставшихся без попечения родителей, стали отправлять в Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов. Первыми среди выявленных на сегодняшний день стали Генрих Лингрэн 14 лет и Александр Густавсон Дальгрэн 13 лет, которые 7 июня 1842 г. были переданы выборгскому плац-майору⁴⁸. В 1843 г. ему же из Куопиоской губернии были направлены цыгане Александр Болстрём 9 лет и Герман Линдемман 8 лет⁴⁹. Подобная география не случайна: самые многочисленные цыганские таборы были вблизи Выборга, Куопио, Фридрихсгама (ныне Хамина)⁵⁰. В последующие годы эта практика сохранялась. За 1842–1853 гг. в Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов было направлено не менее 16 цыган в возрасте от 8 до 17 лет.

Вне всякого сомнения, отправка мальчика в Санкт-Петербург становилась для него культурным шоком, поскольку он не владел русским языком. Все это очень затрудняло процесс адаптации к новым условиям. Впервые он оказывался вырванным из привычной бытовой среды. Его друзьями могли быть лишь такие же подростки из финляндских губерний.

В то же время кооптирование в военную систему имело и некоторые положительные последствия для таких детей. В частности, они были вовлечены в образовательный процесс. Проходя службу, дети в обязательном порядке получали начальное образование⁵¹. Чрезвычайно важным при этом было обучение «отечественному» (русскому) языку. С 1849 г. для преподавания кантонистам из лютеран (цыгане, проживавшие в финляндских губерниях, исповедовали лютеранство) Закона Божия и совершения духовных треб был допущен генерал-суперинтендант Флитпер⁵².

В 1853 г. Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов был реорганизован. В соответствии с указом Николая I, цыганских мальчиков следовало направлять в первый учебный карабинерный полк в Финляндии⁵³. Успешно сдавшие теоретические экзамены и прошедшие практические испытания направлялись для дальнейшей военной службы на должности фельдфебелей и унтер-офицеров; прочих зачисляли рядовыми с последующей возможностью получить унтер-офицерское звание⁵⁴.

Таким образом, инкорпорированные в военную систему Российской империи некоторые цыгане оказались ассимилированы. В отличие от евреев по причине своей малочисленности они не смогли создать устойчивое этническое ядро.

В 1852 г. в правительственных кругах вновь возник вопрос о цыганах и рекрутской повинности. Поводом к тому стал рапорт флигель-адъютанта князя Волконского, которому было поручено наблюдать за проведением очередного рекрут-

⁴⁶ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2374. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁸ Там же. Л. 11.

⁴⁹ Там же. Л. 16.

⁵⁰ Там же. Ф. 531. Оп. 2. Д. 80.

⁵¹ *Кандаурова Т.Н.* Российские военные поселения в кльтурологическом измерении: новые образовательные проекты и институты // Вопросы культурологии. 2010. № 4. С. 44.

⁵² ПСЗ РИ-II. Т. 24. Ч. 2. № 23696.

⁵³ Там же. Т. 28. Ч. 1. № 27387.

⁵⁴ *Шакирзянов Э.М.* Становление системы подготовки унтер-офицерских кадров Русской армии в первой половине XIX в. // Вестник Военного университета. 2010. № 1. С. 48.

ского набора в Таврической губернии. Волконский обратил внимание на тот факт, что проживавшие в губернии цыгане не поставляли рекрутов. Результатом стал указ, согласно которому местные цыганские общества должны были отбывать натуральную рекрутскую повинность наравне с прочими сословиями⁵⁵.

Однако этот шаг со стороны властей вызвал негативную реакцию цыган Таврии. Уже на заключительном этапе Крымской войны (октябрь 1855 г.) власти вынуждены были изменить свою позицию. Причиной стало особое положение местных цыган, которые в сословном отношении были приписаны в разряд государственных крестьян, исповедовали ислам, но были кооптированы в татарские общества, освобожденные от рекрутчины⁵⁶.

Только в январе 1856 г. на высшем уровне было выработано отношение к отправлению цыганами в Российской империи рекрутской повинности. Оно было оформлено мнением Государственного Совета, закрепившим сложившуюся многолетнюю практику. Так, ссылаясь на Рекрутский устав, цыгане рассматривались как неотъемлемая часть общероссийского социума, а потому, причисленные к податным сословиям городских и сельских обществ, они несли повинность наряду с прочими⁵⁷. В то же время в соответствии с действовавшим законодательством были допущены и изъятия некоторых групп. Так, записанные в купеческие гильдии цыгане, согласно ст. 13 п. 1 Рекрутского устава, были освобождены от рекрутчины как в натуральном, так и денежном исполнении. Законодатели подтвердили право цыган Таврии на замену натуральной повинности денежной выплатой (ст. 9 п. 7).

Выводы

Таким образом, на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. правительство не выработало единообразного подхода в вопросе военной службы цыган. Это было связано, в первую очередь, с неоднородностью цыганского сообщества Российской империи. Одна его часть была прикреплена к различным городским (купечество, мещанство) либо сельским сословиям (государственные крестьяне) и в их отношении действовало общероссийское законодательство. Другая часть в отдельных регионах (например, Таврия) являлась неотъемлемой частью местных сообществ, которые после вхождения в состав Российской империи пользовались особыми правами. Для третьих (например, цыган Бессарабии) законодательно были оформлены льготы, в том числе и относительно рекрутской повинности. Та незначительная часть цыган России, которая оказалась вовлеченной в различные военные структуры (регулярные части, исправительные роты, батальоны военных кантонистов), оказалась вырванной из традиционной среды и в силу малочисленности была ассимилирована русским большинством. Общий ход развития социальной истории России свидетельствовал о том, что государство не смогло выработать эффективный механизм для спешного перехода цыган к оседлому образу жизни.

Рукопись поступила: 20 мая 2020 г.

Submitted: 20 May 2020.

Библиографический список

Гельман Б. Кантонисты: путь преодоления черты оседлости (на примере Севастополя) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года: памяти профессора Джона Дойла Клира. М.: Книжники, 2008. С. 194–206.

⁵⁵ ПСЗ РИ-II. Т. 27. Ч. 1. № 26893.

⁵⁶ Там же. Т. 30. Ч. 1. № 29766.

⁵⁷ Там же. Т. 31. Ч. 1. № 30028.

- Главацкая Е.М., Заболотных Е.А. Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 19. № 4. С. 206–221. DOI: 10.15826/izv2.2017.19.4.074.
- Горелов В.Н. Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь: Телескоп, 2015. 222 с.
- Иванов Н.Ф. История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие. М.: Перо, 2017. 107 с.
- Кандаурова Т.Н. Российские военные поселения в культурологическом измерении: новые образовательные проекты и институты // *Вопросы культурологии*. 2010. № 4. С. 43–48.
- Клир Дж. Россия собирает своих евреев. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2000. 410 с.
- Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднейимперской Россией. М.: РОССПЭН, 2007. 436 с.
- Никитин В. Многострадалные. Очерки быта кантонистов // *Отечественные записки*. 1871. № 8–10. С. 120–132.
- Нутрихин Р.В., Савченко С.П. Еврейские солдаты-кантонисты. Евреи на Ставрополье: с древнейших времен до 1917 года. Ставрополь: Тэсэра, 2016. 230 с.
- Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 556 с.
- Сидоренко Г. Рекрутская повинность: Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Значение рекрутской повинности в ряду систем формирования и комплектования войск. СПб.: СПбГУ, 1869. 137 с.
- Шайдуров В.Н. Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в. // *Новый исторический вестник*. 2014. № 39. С. 21–35.
- Шакирзянов Э.М. Становление системы подготовки унтер-офицерских кадров Русской армии в первой половине XIX в. // *Вестник Военного университета*. 2010. № 1. С. 46–51.
- Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб.: [Б.и.], 1858. 242 с.
- Ячменихин В.К. Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.). М.: МГУ, 2000. 29 с.
- Ячменихин К.М. Военные поселения в России (История социально-экономического эксперимента). Уфа: [Б.и.], 1984. 194 с.
- Caban W. *Śłużba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873*. Warszawa: DiG, 2001. 268 s.
- Shaidurov V.N. Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // *Bylye gody*. 2014. № 32. С. 239–244.

References

- Caban, W. *Śłużba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873*. Warszawa: DiG Publ., 2001 (in Polish).
- Gel'man, B. “Kantonisty: put' preodoleniya cherty osedlosti (na primere Sevastopolya).” In *Problemy yevreyskoy istorii Materialy nauchnykh konferentsiy Tsentra «Sefer» po iudaike 2007 goda: pamyati professora Dzhona Doyle Klira*, 194–206. Moscow: Knizhniki Publ., 2008 (in Russian).
- Glavatskaya, Ye.M., and Zabolotnykh, Ye.A. “Jewish Religious Community of Yekaterinburg in the Second Half of the 19th – early 20th centuries: number and institutions.” *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts* 19, no. 14 (2017): 206–221. DOI: 10.15826/izv2.2017.19.4.074 (in Russian).
- Gorelov, V.N. *Karatel'naya funktsiya rekrutchiny v Rossii 1705–1874 gg.* Sevastopol': Teleskop Publ., 2015 (in Russian).
- Ivanov, N.F. *Istoriya rekrutskoy povinnosti v Rossii (1699–1874 gg.): uchebnoye posobiye*. Moscow: Pero Publ., 2017 (in Russian).
- Kandaurova, T.N. “Russian military settlements in the cultural dimension: new educational projects and institutions.” *Issues of Cultural Studies*, no. 4 (2010): 43–48 (in Russian).
- Klier, J. *Rossiya sobirayet svoikh yevreyev*. Moscow, Iyerusalim: Mosty kultury Publ., 2000 (in Russian).
- Natans, B. *Za chertoy. Yevrei vstrechayutsya pozdneimperskoy Rossiiyey*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Nikitin, V. “Mnogostradal'nyye. Ocherki byta kantonistov.” *Otechestvennyye zapiski*, no. 8–10 (1871): 120–132 (in Russian).
- Nutrikhin, R.V., and Savchenko, S.P. *Yevreyskiye soldaty-kantonisty. Yevrei na Stavropol'ye: s drevneyshikh vremen do 1917 goda*. Stavropol': Tesera Publ., 2016 (in Russian).
- Petrovskiy-Shtern, Y. *Yevrei v russkoy armii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2003 (in Russian).

- Sidorenko, G. *Rekrutskaya povinnost': Znachenije yeye v ryadu sistem formirovaniya i komplektovaniya voysk i istoricheskoye razvitiye yeye v Rossii. Znachenije rekrutskoy povinnosti v ryadu sistem formirovaniya i komplektovaniya voysk*. St. Petersburg: SPGU Publ., 1869 (in Russian).
- Shaydurov, V.N. "The Jews and their Place in the Economic Life of Western Siberia in the second half of the 19th century." *The New Historical Bulletin*, no. 39 (2014): 21–35 (in Russian).
- Shakirzyanov, E.M. "Formation of the system of training non-commissioned officers of the Russian army in the first half of the 19th century." *Military University Bulletin*, no. 1 (2010): 46–51 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. "Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century." *Bylye gody*, no. 32 (2014): 239–244.
- Shpilevskiy, P.M. *Puteshestviye po Poles'yu i Belorusskomu krayu*. St. Petersburg: [S.n.], 1858 (in Russian).
- Yachmenikhin, V.K. *Voyenniye kantonisty Russkoy armii (1797–1836 gg.)*. Moscow: MGU Publ., 2000 (in Russian).
- Yachmenikhin, K.M. *Voyennyye poseleniya v Rossii (Istoriya sotsial'no-ekonomicheskogo eksperimenta)*. Ufa: [S.n.], 1984 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, профессор кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Vladimir N. Shaidurov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor, head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Professor of the Department of Russian history, Pushkin Leningrad State University.

Новгородский Тадеуш Антонович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Tadeush A. Novogrodsky, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the department of ethnology, museology and art history of the historical faculty, Belarusian State University.